

Александр Иванович Куприн

Ницца пляшет

Александр Иванович Куприн
Ницца пляшет
Серия «Лазурные берега», книга 10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2476785

Аннотация

«Раньше я уже говорил о том, что Ницца – город, порожденный шальными деньгами, карточным азартом, глупой модой и безумными прихотями приезжих богатых людей, пресыщенных до одурения всеми грубыми радостями мира. Поэтому ничего нет удивительного в том, что в Ницце никто ничего не создает и ничем не занимается, кроме сводничества, стрижки и бритья, отдавания квартир и комнат внаймы, альфонсизма, комиссионерства, лакейства и других не менее полупочтенных профессий. Ницца еще ни разу не родила на свет божий ни одного скульптора, художника, актера, поэта, романиста, музыканта, композитора, даже ни одного мастера тонкой ручной работы...»

Содержание

Александр Иванович Куприн

Ницца пляшет

Раньше я уже говорил о том, что Ницца – город, порожденный шальными деньгами, карточным азартом, глупой модой и безумными прихотями приезжих богатых людей, пресыщенных до одурения всеми грубыми радостями мира. Поэтому ничего нет удивительного в том, что в Ницце никто ничего не создает и ничем не занимается, кроме сводничества, стрижки и бритья, отдавания квартир и комнат внаймы, альфонсизма, комиссионерства, лакейства и других не менее полупочтенных профессий. Ницца еще ни разу не родила на свет божий ни одного скульптора, художника, актера, поэта, романиста, музыканта, композитора, даже ни одного мастера тонкой ручной работы.

Однажды, по просьбе пятилетней девочки, я принес в игрушечный магазин ее куклу, которой она неосторожно проломила голову. У меня очень вежливо приняли заказ и обещали завтра же произвести пустячную операцию с починкой черепа, которую я мог бы и сам довольно ловко сделать в десять минут, если бы у меня под руками был клей синдетикон, кусочек картона и клочок каких-нибудь волос.

Две недели подряд, каждый день, ходил я в этот магазин,

и толстая, туго перетянутая корсетом хозяйка неизменно отвечала мне с обворожительной улыбкой из-за своей конторки:

– Monsieur, завтра непременно.

К концу второй недели она откровенно призналась мне:

– Я должна вам сказать, что мы отправили вашу куклу в Париж. Видите ли, в Ницце никто ничего не производит. У нас нет ни сапожников, ни портных, ни шляпочниц, ни ювелиров, ни велосипедных мастеров, ни игрушечных... Словом, ничего нет. В сезон они все приезжают к нам из Парижа, Лиона и Марсея и загребают бешеные деньги. Кончился сезон – и они исчезают, как дым, как стая перелетных птиц. Понимаете, monsieur, ведь Ницца не город, а сплошной огромный отель. Что поделаешь, таковы наши ниццкие нравы... Потерпите немного, и через день, через два ваша кукла вернется целой, невредимой и прекрасно излеченной.

Для меня было ясно, что хозяйка магазина что-то путает, но во мне уже заговорило упрямство. Я пришел опять через четыре дня и настойчиво потребовал, чтобы мне возвратили мою куклу, в каком бы она ни была виде. Хозяйка медленно подняла на меня из-за конторки свои черные выпуклые глаза, неприятно молодые на старом, обрюзгшем желтом лице, и сказала с божественным спокойствием:

– Простите, monsieur, я ни разу не видала ни вас, ни вашей куклы. Вероятно, вы ошиблись адресом магазина?

Другой случай. Я сижу в парикмахерской. Меня стригут.

Мой приятель дожидается меня здесь же, в зале, просматривая французские юмористические журналы. Рядом со мною хозяин заведения бреет солидного толстого старого буржуа. Понемногу между нами четырьмя заходит разговор об автомобильных набегах Бонно и об его шайке анархистов-экспроприаторов. Все мы лениво согласны между собою в том, что современная молодежь отбилась от семьи и преждевременно портится. Но толстый буржуа принимает разговор чересчур близко к сердцу и багровеет так, что даже лысина становится у него пурпуровой. Он быстро поворачивается на винтящемся стуле лицом к моему товарищу. Одна щека у него гладко выбритая, а другая покрыта густой белой мыльной пеной.

– Вы правы, monsieur! – кричит он взволнованно. – Вы сто раз правы!

– Monsieur, – нежно протестует парикмахер, – ваши щеки!..

– Подождите... Когда я начинаю говорить, я не люблю, чтобы мне мешали... Вы тысячу раз правы, мой дорогой иностранец. У меня есть сын. Он не хочет работать, он целые дни проводит за бильярдом или за стаканом абсента в каких-нибудь кафе. И я догадаться не могу, откуда он достает на это деньги. Я понимал бы еще, если бы у него были какие-нибудь связи с пожилыми богатыми дамами. Это ведь так просто и ясно. Мальчик очень красив, отчего же ему и не принимать маленьких подарков? Но, вообразите, он путается с самыми

потерянными женщинами, и в этом трагедия моей жизни. Иногда я просыпаюсь среди ночи и с ужасом думаю: «А что, если и он анархист, как Бонно и его друзья?»

Случай третий. Густая уличная толпа окружила лежащую на земле молодую, довольно красивую, но сильно избитую и, кажется, израненную женщину. Двое городских держат за руки взлохмаченного пожилого француза, худого и гибкого, как виноградная лоза. Он без шляпы, и из растерзанной манишки видна его волосатая грудь.

– Что здесь случилось? – спрашиваю я случайного соседа.

– Э, monsieur, обыкновенная любовная история. Так ей и надо, этой потаскушке (он выразился сильнее).

– Значит – ревность? Измена?

– Конечно, monsieur. Эта... Генриетта была до сих пор прекрасной женой и хозяйкой. Все, что она зарабатывала от своих ухаживателей и постоянных клиентов, она честно приносила в дом, как подобает порядочной жене и любящей матери. Но в последнее время она увлеклась молодым коммивояжером и завязала с ним бескорыстный роман. Понимаете ли, monsieur, как это грустно и безнравственно!

Я понял. «Таковы наши нищские нравы», – вспомнились мне слова владелицы игрушечного магазина.

Таких анекдотов я мог бы привести несколько сотен. Но я нарочно выбрал потому самые мелочные, что убежден, что в забавных и противных мелочах больше всего сказывается душа человека, страна и история.

Сезон продолжается с половины октября до половины марта. За это время все гостиницы битком набиты, и цены за помещения возрастают до безумных размеров. Каждый ваш шаг, каждый глоток, чуть ли не каждый вздох оплачивается неслыханными расходами. Английское, американское и русское золото неудержимым водопадом льется в беспредельные карманы предприимчивых французов и жадных ниццаров. Тамошняя пословица говорит: «В Ниццу ездят веселиться, в Канн отдыхать, а в Ментону умирать». И правда, в течение всего сезона жизнь в Ницце представляет из себя сплошное праздничное кружилище: балы, пикники, скачки, велосипедные гонки, карнавалы, множество кафешантанов, музыка и игра, игра, игра.

Если вы не хотите ехать в Монте-Карло, для вас гостеприимно открыты двери двух роскошных вертепов – «Casino Municipal» и «Casino de la gai promenade»¹. Там, правда, нет рулетки, которую ревнивая администрация Монте-Карло сумела запретить на всем лазурном побережье, зато есть младшая сестра этой игры, носящая скромное название «лошадки» (les petits chevaux). Разница между этими играми заключается только в том, что в первой вы проигрываете на тридцать шесть номеров, а во второй – на девять. Но и там и там непрерывно течет с мягким звоном и мелодичным шелестом иностранное золото...

Но вот наступает конец сезона, и праздная, знатная, на-

¹ «Городское казино» и «Казино Веселой прогулки» (фр.).

рядная толпа иностранных гостей редеет с каждым днем: одни уехали в свои родовые имения, другие – в прохладную Швейцарию, третьи – в Трувилль или на один из модных английских купальных курортов. Милые беззаботные птички божий!

Один за другим закрываются шикарные отели, и чем отель аристократичнее и дороже, тем он раньше опускает на свои окна плотные зеленые филенки, обволакивает полотном золотые вывески и запирает все свои входные двери на ключ. Последним из знатных путешественников уезжает наш талантливый соотечественник В. И. Немирович-Данченко. После его отъезда излюбленный отель нашего писателя «Westminster» погружается в безмолвие и мрак, и сезон можно считать оконченным.

Ницца облегченно вздыхает после тяжких и сладких зимних трудов, считает награбленное золото и теперь решает сама повеселиться. Да и в самом деле, она так долго глядела на чужое веселье и так подобострастно обслуживала чужие прихоти, капризы, нужды и фантазии, что ей, право, не грех позабавиться. Господа уехали, лакеи танцуют. Да и все равно они теперь, в продолжение пяти-шести месяцев, осуждены на полное бездействие.

И Ницца пляшет.

Нет дня, чтобы не увидели протянутую через улицу от дома к дому широкую коленкоровую полосу, на которой красными буквами напечатано:

«20, 21 и 22 июня (примерно) большой бал комиссионеров (извозчиков, маляров, рыбаков, прислуги и т. д.) на площади Массенэ (Гарибальди, Нотр-Дам и проч.). Вход 50 сантимов». Каждый такой бал, не считая небольших перерывов для сна и еды, длится двое-трое суток. И все они на один образец. Выбирается среди площади обширное круглое место и огораживается столбами, которые снаружи плотно обтягиваются полотном. Сверху на столбы натягивается конусообразная полотняная крыша – словом, получается то, что на языке бродячих цирков называется «шапито», – и бальная зала готова.

Остается только навесить крест-накрест на столбах французские флаги, протянуть гирлянды из листьев, поставить эстраду для музыкантов, отделить закоулочек под пивной буфет, и больше ничего не требуется.

С утра до вечера непрерывной вереницей идут и идут под душный полотняный навес мужчины и женщины, старики и дети. Бал длится почти непрерывно. И чем позднее, тем гуще и непринужденнее веселящаяся толпа. Танцуют всегда один и тот же танец – ниццкую польку. Пусть музыка играет все, что хочет: вальс, мазурку, падеспань, – ниццары под всякий размер и под всякий мотив пляшут только свой единственный, излюбленный и, я думаю, очень древний танец.

Танцуют обыкновенно пар пятьсот – шестьсот, заполняя весь огромный круг от центра до окружности. Тесным, плотным, живым диском медленно движутся эти пары в одну сто-

рону – противоположную часовой стрелке. Душно, жарко, и нечем дышать. Полотняное шапито не пропускает воздуха; единственный вход, он же и выход, не дает никакой тяги. Мелкая песчаная пыль клубами летит из-под ног и, смешиваясь с испарениями потных человеческих тел, образует над танцорами удушливый мутный покров, сквозь который едва мерцают прикрепленные к столбам лампы и от которого першит в горле и слезятся глаза.

Но самый танец, надо сказать, очень красив. Теперь он входит в моду в большом свете Парижа под именем «танго». Он прост и несложен, как все экзотические древние танцы, но требует особой, своеобразной, инстинктивной грации, без которой танцующий будет позорно смешон. Состоит он вот в чем. Кавалер и дама прижимаются друг к другу вплотную, лицо к лицу, грудь к груди, ноги к ногам; правая рука кавалера обхватывает даму немного ниже талии; правая рука дамы обвивает шею партнера и лежит у него на спине. И в таком положении, тесно слившись, они оба медленными, плавными, эластичными шагами, раскачивая бедрами, подвигаются вперед. Иногда наступает кавалер, отступает дама, потом наоборот. Движения их ног ловко и ритмично согласуются. В этой примитивной пляске очень много грубого, первобытного сладострастия. Сколько раз мне приходилось видеть, как лицо женщины вдруг бледнеет от чувственного волнения, голова совсем склоняется на грудь мужчины, и открытые сухие губы в тесноте и давке внезапно с жадностью

прижимаются к цветку, продетому в петличку его пиджака. Но в то же время этот танец может быть очаровательным по изяществу. Мои друзья показывали мне двух-трех танцоров и нескольких танцорок, которые считаются лучшими в Ницце. И в самом деле, какая стройность поз, какая хищная и страстная сила в движениях, какое выражение мужской гордости в повороте головы! Нет, этому искусству не выучишься. Надо, чтобы оно жило в крови с незапамятных времен.

Кроме того, надо сказать, что насколько некрасивы коренные жительницы Ниццы, настолько красивы ниццары. В их смуглых лицах с правильными чертами живописно отразилась кровь всех завоевателей и покорителей Ниццы: генуэзцев, римлян, мавров и в древности, вероятно, греков. Все они высоки, очень стройны и сильны. Особенно бросаются в глаза их рост и сложение в те минуты, когда по улице, с фанфарами и музыкой, проходит рота солдат. Жадные до зрелищ и патриотичные, как все южане, бегут ниццары вслед за солдатами по обоим тротуарам, машут шляпами и орут во весь голос:

«Vive l'armée! Vive l'armée!»² И в сравнении с рослыми, плечистыми, нарядными ниццарами какими жалкими кажутся маленькие пехотные солдаты-северяне, в своих красных кепи, красных широких штанах, завязанных у щиколоток, и несуразных синих шинелях, полы которых подоткнуты назад, образуя подобие какого-то клоунского фрака.

² Да здравствует армия! Да здравствует армия! (*фр.*)

Был я также на рыбачьих балах, которые отличались от вышеописанных только тем, что у музыкантов все инструменты были обернуты серебряным и золотым картоном в форме разных рыб и раковин, а на столбах укреплены весла, рули и спасательные круги.

Но всегда наибольшее оживление царит не в самом шапито, а у входа в него и вокруг его огорожи. Тут располагаются торговцы конфетами, пирожками, лимонадом. Несколько тиров для стрельбы из монтекристо. Будочки, в которых на большом столе расставлены ножики, стаканы, вазочки, флаконы с дешевыми духами и бутылки с отвратительным шампанским. Вы покупаете на несколько су пять или десять деревянных колец, вроде тех, которыми играют в серсо, и бросаете их на стол. Если вам удастся правильно окружить какой-нибудь предмет, он становится вашей собственностью, и публика, к великому вашему смущению, провожает вас аплодисментами. Здесь же помещаются: беспроигрышная лотерея со всякой дрянью на выставке, а также и мошеннические лотереи, в которых вы можете выиграть живого петуха или курицу и потом с идиотским видом нести под мышкой неистово кричащую птицу, сами не зная, как с ней разделаться. Здесь, под открытым небом, на этом своеобразном игорном базаре, живая толпа всегда весела, жива и добродушна.

Самым интересным все-таки был бал моих друзей – извозчиков. Не помню уж, кто из них, *monsieur* Филипп или *monsieur* Альфред, вручил мне однажды почетный билет.

– Для вас и для вашего почтенного семейства, – сказал он с любезной улыбкой.

– Все русские – наши друзья, а вы у нас свой человек. Бал будет завтра в «Калифорнии», и самое лучшее, если вы придете к четырем часам дня; мы будем ожидать вас.

«Калифорния» – это подгороднее местечко, замечательное тремя вещами: маяком, прекрасной страусовой фермой и большим рестораном, к которому пристроена обширная сквозная терраса с деревянным полом для танцев.

И так как на другой день выдалась приятная, нежаркая погода, то мы большой компанией отправились в «Калифорнию», побыли около маяка, куда нас не пустили, осмотрели ферму, где, между прочим, страусовые перья продаются вдвое дороже, чем их можно купить в Петербурге, и, наконец, достаточно усталые, расположились на танцевальной террасе ресторана.

Я не успел еще выпить стакана белого вина со льдом, как увидел, что мне издали делает какие-то таинственные знаки мой друг monsieur Филипп. Я встал из-за стола и пошел к нему.

– Monsieur, – сказал он со своей обычной вкрадчивой ласковостью, – председатель или, вернее, шеф нашей извозчицкой корпорации, слышал о вас и хочет познакомиться. Позвольте мне представить вас ему?

Я согласился. Председатель оказался пожилым, но еще красивым мужчиной – крепким, стройным, как сорокалет-

ний платан.

Он давнул мне так сильно руку, что у меня склеились пальцы, выразил удовольствие видеть меня и предложил мне стакан холодного шампанского. После этого он сказал:

– Теперь, по нашему обычаю, я вас должен представить нашему королю, королю извозчиков. Жан! Тащи сюда короля!

Вскоре у стола появился нескладный, длинный белобрысый парень с бритым лицом опереточного простака. Он был одет в длинный, фантастического покроя зеленый балахон, испещренный наклеенными золотыми звездами. Сзади волочился огромный шлейф, который с преувеличенной почтительностью несли двое его товарищей – извозчиков, а на голове красовалась напяленная набекрень золотая корона из папье-маше. Король важно кивнул головой на мой глубокий поклон.

– Речь, monsieur, речь! – зашептали вокруг мои друзья. – Скажите несколько приветственных слов.

– Ваше величество, – начал я проникновенным голосом, с трудом подбирая французские фразы, – я прибыл сюда с крайнего севера, из пределов далекой России, из царства вечных снегов, белых медведей, самоваров и казаков. По дороге я посетил много народов, но нигде я не встречал подданных более счастливых, чем те, которые находятся под вашим мудрым, отеческим покровительством. Alors! Пусть государь милостиво разрешит мне наполнить вином эти бока-

лы и выпить за здоровье доброго короля и за счастье его храброго, веселого народа – славных извозчиков Ниццы!

Король левой рукой благосклонно принял предложенный мною бокал, а другую величественно протянул мне для пожатия.

В самом деле, в этом шуте гороховом была пропасть королевского достоинства. Вскоре мы уже пили за всех французских извозчиков и за русских, и даже за извозчиков всего мира, пили за Францию и за Россию, за французских и русских женщин и за женщин всего земного шара, пили за лошадей всех национальностей, пород и мастей. Я не знаю, чем бы закончили наше красноречие, да и тем более, я чувствовал, что мой кошелек очень быстро пустеет, но, к счастью, ко мне подошел официант и сказал, что приехавшие со мной компаньоны скучают без меня.

Король с обворожительной любезностью отпустил меня, протянул мне на прощанье руку; и вдруг, неожиданно потеряв равновесие, покачнулся, взмахнул нелепо руками и очутился на полу в сидячем положении.

– Король и в падении остается королем, – сказал серьезным тоном извозчиный шеф.

Вскоре начались танцы. Оркестра не было. Играло механическое пианино. Кто хотел – заводил его и бросал в щелочку двадцать сантимов. Так как дам оказалось очень мало, то мужчины танцевали с мужчинами, что совсем не режет глаз, потому что очень принято на ниццких балах. Но стано-

вилось уже поздно и сыро. Надо было уезжать.